



Представяя в «ЭС» № 6 только что вышедший на экраны фильм Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор», мы сообщаем, что автор передал нам отрывок из следующего уже своего сценария, и мы готовим его к публикации. Необратимое развитие весны стимулировало редакционный процесс: хочется думать, говорить, читать... сами понимаете, о чем. И вот — с любовью к автору — мы предлагаем вашему вниманию новый сценарий Петра Тодоровского, который он сам охарактеризовал как «совсем же шальную студенческую историю» — из времен своей молодости. Ну, а о чем во все времена бывает студенческая история — сами понимаете...

Петр ТОДОРОВСКИЙ

КАКАЯ ЧУДНАЯ ИГРА

(ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ)

ваться-одеваться... Один чуток из-за этого повесился. Каждый день одно и то же: раздеваться-одеваться.

— До рассвета еще не скоро, — взмолился Рыбкин. — Ложись, дорогой, мы больше не будем!

— Да нет, я, практически, выспался. Вам даже большое спасибо — сегодня англичанка будет свирепствовать.

— Не будь жестоком, Федя! — сказал Федя Григневич. — Дай поспать, а?

— А где вы так поздно? — не унимался Раевский.

— Евсеев женился на богатой москвичке. Нажрал-ишь!

— Молги бы принести.

— Пока мы соображали, ее мамаша унесла остатки на кухню.

— Невеста хоть хороша?

— Да, хороша-хороша! Завтра расскажем.

— Жрать охота-аа! — зевнул Феликс и громко потянулся.

— Выпей воды и ложись. Ну, умоляем!

— Умоляю, ну! — рассмелся Раевский. — Помните этот анекдот?

Тройка промолчала.

— За стеной армянин всю ночь уговаривает девушку: «Умоляю, ну!» Потом возня-возня и снова: «Умоляю, ну?» — и сам расхохотался.

Федя Григневич — тощий парень с металлической фижкой, встал и выключил свет. Лег на место. Раевский включил свет, уселся за стол и громче прежнего:

— Ту док! — перевел он на русский название рассказа. И запел. — Две собаки за стеной жалобно завывали, это просто оттого, что их не кормили-и! — Он вертелся на роляном стульчике, закинув руки за голову. — Эх раз, еще раз! Ну, сколько можно жить без зраз?! Тройка подхватила разом, как по команде, Федю под мышки, уложила на роель и начала стаскивать с него брюки. Раевский расвырвел: ногой отшвырнул занку Гордочаннова, взвырвался в одних трусах со спущенной штаниной, схватил в углу запяленное переходящее красное знамя, и ринулся на ребят в штывковую.

— Три собаки! Три подонка-аа! — орал он на все общество.

На пороге комнаты стоял комендант общежития, Михал Михальч — небритый мужчина лет под сорок с изможденным, желтого цвета, лицом, в потертом демисезонном пальтишке, накиннутом на плечи, из-под которого выглядывали солдатские кальсоны со шпирниками.

— Комнату номер четыре я предупреждал! — тихо сказал он. — Еще одно нарушение режима и я вас выселю. Всеж. Предупреждал? А Раевский вообще проживает у нас незаконно. У тебя, Феликс, тетка родная в Москве, и не в коммуналке, а в отдельной квартире. Так что завтра, то есть уже сегодня, собирай монатки, на остальных подаю рапорты ректору.

— Раевский не виноват, — сказал Григневич. Тот, что с фижкой.

— А кто орал? Я что, не знаю голос Раевского?

— Это мы. А Феликс тут ни при чем.

— Это так, — подтвердил Рыбкин.

— Так что, прикажете выселить вас, а его оставить?

— По крайней мере так будет справедливее, — настаивал Григневич.

— А вы тогда где будете жить?

— У его тетки, — занялся, вмешался Элизбар Гордочанинов.

За спиной коменданта хихикнула Маркелова.

— Феликса жалко, — сказала она. — Он и так обделен.

— Не умю же, — сказал комендант.

— Детдомовец он, — сказала Вера.

— А тетна? Не может взять его и себе? Где родители?

— Он проброшенный, — сказал Гордочанинов.

Тут вся тройка рухнула от смеха. Михикс тоже не удержался, приснул и закапался, да так, что, казалось, этому не будет конца. Маркелова приложила руку к его лбу, как это делают, когда человек рвет.

— Подкинутый, — свкозз кашель промямлил наподобие смеха комендант, и, сгорбившись, вышел в коридор. Постукивая палкой о каменные ступени, стал подниматься к себе на второй этаж.

Оставшиеся в комнате молча прислушивались к удаляющемуся, непрерывному кашлю.

— Говорят, он обречен, — сказала Маркелова.

Ей никто не ответил.

Комедант вошел к себе в комнату. Ледяной поток ударил ему в лицо. Казалось, что по нему пробежала снежная пыль. Вздутая свкоззавшая толстая занавеска гуляла под потолком. В темноте Михикс не сразу разглядел распахнутое настежь окно. Подбежал, прикрыл створки и, конечно, глотнул порцию холодного воздуха. Приступ кашля обрушился с новой силой. Он булькал губами, что-то клочкотало в горловине. Согнувшись в три погибели, Михикс присел на кровать. Чутьку отдышался, а когда кашель утих, в тишине послышалось:

— Я, пожалуй, пойду.

В дальнейшем углу комнаты, прижавшись спиной к гардеробу, в темноте сидела девица не старше двадцати лет, в зимнем пальто с воротником, валенках, с цветастым платком, сплосшим ей на шею.

— Ты? — воспаленные, заливаемые слезами глаза коменданта смотрели на нее радостно, с какой-то собачьей благодарностью. — Сама пришла? Как хорошо, что ты пришла, я так соскучился.

— А ты небритый, — сказала она.

— Ты же обещала в конце недели. Думал, побреносу специально к твоему приходу. А ты взяла и — хлоп! — несчастный, рассмеялся он. — А хочешь сейчас же и побреносу? — вскочил он с кровати и закапсался.

— Бесмысленно, — сказала она, когда Михикс утих. Она сидела теперь прямая, с недовольным видом смотрела прямо перед собой.

— Разденсья, девочка моя, — предложил он с надеждой.

— Я ужоку.

— Тогда зачем ты явилась в такое время?

— Надо было.

— А теперь что, уже не надо?

— Почему, надо.

— Что же?

Она молчала.

— Говори, солнышко. Не стесняйся.

«Солнышко» встало, шагнуло к окну. Ее перешагнул комендант, усадил на место, а сам присел на пол у ее ног, припал к ее коленям, уткнулся головой.

— Останься, Луиза, — просил он. — Прощу. Ты мне нужна. Твоя любовь. Мне так не хватает ее. Может это поможет мне. Если ты уйдешь, я умру.

— Этого еще не хватало.

— Эй богу! И все из-за тебя! — рассмеялся он.

— Ну, ладно! — не на шутку рассердилась Луиза. Она попыталась оттолкнуть его, но комендант еще крепче обхватил ее всю, вырвал ей в живот.

— Я понял, тебе что-то нужно? От меня, — заглядывая ей в глаза, снизу вверх, радостно сообщил он о своей догадке. — Скажи, солнышко, я прав?

Луиза молчала. Тогда комендант встал, выдвинул ящик стола, извлек старинный футляр для очков с двумя бронзовыми шарнирами-защелками, запустил туда два пальца и достал со два крохотные сережки, усыпанные бирюзой. Отвернувшись, он какое-то время рассматривал их на своей ладони — видно, сережки эти напоминали ему о какой-то другой жизни. Потом как человек, принявший решение, он, счастливый, протянул сережки Луизе.

— Она бросила на них безразличный взгляд, кисло усмехнулась.

— Спрячь. Как-нибудь в другой раз.

— Но я же печенкой чувствую, — ты пришла не просто так. Не зря, — настаивал он, оставаясь с протянутой рукой.

— У меня финансовые затруднения, — выдавила накуме, Луиза, — Мне до утра необходимо вернуть сумму... деньги. Иначе...

— Пощелчал.

— Если ты, конечно, не можешь помочь, тогда... — она начала подниматься.

— Нет-нет! Что ты! — встрепенул комендант.

Он кинулся к гардеробу, вынул из кармана пиджака портмоне, отсчитал несколько купюр и не оборачиваясь, сказал:

— У меня тут припасено... эээ... На случай... — Он жалко усмехнулся. — Сколько тебе?

— Сколько можешь.

— Но ты останешься у меня до утра? Ладно? Она стрельнула в него уничтожающим взглядом.

— Повторю: до утра мне необходимо вернуть долг.

— Этого хватит? — он протянул ей деньги.

Луиза пересчитала их, тяжело вздохнула.

— Не хватает.

— Сколько же?

— Ну-уу, хотя бы еще сотня три.

Михикс отсчитал недостающие деньги и, прежде чем вручить, потянулся к ее губам. Но Луиза, принимающая деньги, подставила ему щеку и, пока он целовал ее уши, затылок, волосы, она, послышавшись пальцы, орончательно пересчитала все деньги. Осталась вполне удовлетворенной.

— Я спешу, — отстраняясь, сказала она и решительно направилась к окну. Распахнула створки. — Может, в понедельник загляну. — И шагнула в ночь.

Рядом с окном коменданта, вдоль наружной стены шла пожарная лестница. И пока Луиза спускалась по ней вниз, сверху доносился бухающий кашель.

Луиза свернула за угол. Там, прижавшись к стене, с подымаем воротником, ее ждал парень. Эдакий верзляк без головного убора.

— Удалось? — спросил он, не шелохнувшись.

Луиза протянула ему деньги.

— Зеер гуд! — оживился он. — Гуляем! — И сделал шаг.

Луиза протянула руки, смала голову парня ладонями, притянула его к себе вплотную:

— Я тебя обожаю, негодяй! Поцелуй же меня! — сказала она, приподнимаясь на цыпочки.

Когда наконец Михикс уснул, за стеной, исподволь, послышалось вздох, вначале тихо, потом все громче, тяжелее. Вдохы перешли в стонами, и вдруг женщина начала покринивать что-то нечленораздельное. Казалось, что ее душат. Ей в унисон кто-то окрежетал губами и, тяжело дыша, ругался последними словами:

— Я тебя люблю! Ты у меня, блядь, будешь визжать от удовольствия!

Стрипел пужники, что-то монотонно брякало о стену. Сквозь тяжелое дыхание доносился хрип — женщина буквально задохлась.

Комедант подхватился, накиннул пальтишко, выбежал в коридор и забарабил в соседнюю дверь, откуда продолжалась барахалия.

Потом разом все затихло. Спустя минуту, не спеша распахнулась дверь, на пороге, в одних трусах, появился вспотевший, весь какой-то злохмаченный детина лет тридцати.

— Я вас слушаю, — спокойно сказал он приятным баритоном.

— Что там у вас происходит? — сказал комендант. — Мне показалось, что кого-то душат. Или мне показалось?

— Вам показалоься, — мягко улыбнулся тот. — Спи те спокойно.

— Но вы же не даете спать! Что это за крики такие посреди ночи?

— Мы же семья, понимаете? — тихо и доброжелательно сказал детина.

— Семья, а ругаетесь матом.

Парень опустил глаза. И совсем тихо:

— Разве мы понимаем, что с нами происходит в этот момент... — В какой момент?

Детина грустно покачал головой и, наконец, решился:

— Михаил Михальч! Вы знаете, что такое оргазм?

— Оргазм?

— Да, ор-га-зымым! — по слогам повторил тот.

— А что это такое?

— Милый, мой вам совет: возьмите большую медицинскую энциклопедию, откройте страницу на букву «О», и через минуту узнаете, что это за штука.

— Но все равно, — не сдавался комендант. — Когда, допустим, происходит этот ваш оргазм, то что, обязательно надо орать на все общежитие?

Детина тяжело вздохнул:

— Эх, вечная мерзлота! — и прикрыл за собой дверь.

— А какие аспиранты! — констатировал комендант.

За окном забрезжил рассвет.

Феликс Раевский со своим приبلудным псом Адольфом прогуливался по Лесной — уютно-заснеженной улочке, на которой стояло их общежитие. Он шел не спеша, закатыв глаза и что-то шевеля губами — видимо, сейчас сочинялся диалог, а потому и выражение его лица менялось в зависимости от того, кого он в данный момент изображал.

Истерический крик, нарушивший творческий процесс, вернул Раевского к действительности.

Вдали, на тротинге, стояла женщина, на нее навалила Адольф. Пес уперся ей лапами в грудь, стараясь во что бы то ни стало лизнуть по лицу. Женщина, казалось, оцепенела — боялась шелохнуться и, ни жива, ни мертва от страха, визжала на всю улицу.

— Адольф, фу! — кричал Раевский, сорвавшись с места. Но, черта с два — пес даже не обернулся в его сторону. — Не бойтесь! Он ласковый, никого еще ни разу в жизни не цапнул. Он просто хочет вас поцеловать, лизнуть. Он еще молодой, совсем юноша, — подбегая, говорил Феликс.

— Я, конечно, польщена, то на меня еще бросаются юноши, но, пожалуйста, уберите своего баскервилла, — сказала она.

— Ради бога, извините! — говорил Раевский, от таскивая Адольфа. — Он действительно добрый. А как детей любит!

— Но ведь я не знаю его намерений! Когда на тебя несется такая громадина, любой может напугать в штаны.

Феликс рассмеялся:

— Мне нравятся люди с чувством юмора.

— Да, чувство юмора боится.

Теперь они посмеялись вместе.

— И будьте осторожны. У нас на днях овчарка, как и ваша, бросилась на старушку, чтобы, как вы говорите, поцеловать, то есть лизнуть. Старуха шлепнулась, сломила шейку бедра. Теперь хозяйн собаки будет ей платить за лечение, санаторий и прочее. А если старуха станет инвалидом, то до конца жизни.

— Вы правы, — сказал Феликс, искоса рассматривая даму.

Это была женщина лет сорока, не больше. Из-за стеклов очков с диоптрией не менее плюс семь выглядывали огромные зрачки, печальные и беспомощные.

— Кстати, почему вы назвали своего пса Адольфом? В честь Гитлера?

— Что вы?! Так звали моего деда.

— И вы дворяну назвали его именем! Как на это смотрит ваша мама?

— У меня и мамы нет.

Она чутьку смуглилась.

— Знаете, почему я спросила об этом? У моей старшей сестры был муж. Когда началось война, он написал заявление в райком партии, чтобы ему разрешили изменить имя. Его звали Адольф.

— Ну, и?

— Стали таскать по кабинетам — выясняли, не немец ли он.

Феликс уловил ее движение, как она незаметно, перенеся тяжесть тела на одну ногу, выставила округлое бедро.

...Они шли по Лесной, неторопливо болтали о чем-то незначительном. Впереди бежал Адольф, то и дело оглядываясь на хозяйна.

— Я вас часто вижу через окно. И всегда вы один, — сказала она.

— С собакой.

— А семья?

— Отдыхает.

— Зимой?

— Жена вывезла детей в горный курорт.

— У вас дети?

Феликсу показалось, что дама потеряла к нему

интерес. Какое-то время они шли молча, потом она вдруг расхохоталась.

— У вас заразительный смех, — сказал Раевский. — Я вообще хохотунья-стрекоза Пчелка. Если бы не мой смех, с моей внешностью вряд ли когда-нибудь вышла бы замуж.

— Не пребдижайтесь, многие мужчины предпочитают помивших женщин, — заметил Раевский.

— А вы?

— Естественно.

Посмеялись.

— Я ни разу не была замужем, — призналась дама.

— Вы же только что сказали, что были?

— Фиктивно! — она подняла палец вверх. — Фиктивно, мальчик! Перебиралась в Москву. Из провинции в столицу. Но я, как вы понимаете, не девственница. И снова рассыпалась горохом. — Я могла бы сто раз выйти, но независимость — мое единственное богатство. У меня отдельная комната, я зарабатываю, — она сунула Феликсу под нос пять пальцев. — В месяц! Хотя, должна признаться, по вечерам бывает одиноко.

— Заведите себе какое-нибудь животное, — сказал Раевский.

Дама остановилась, протерла большими пальцами стекла очков:

— Послушайте, у меня такое ощущение, что я вас знаю сто лет. Давайте познакомимся. Меня зовут Софа, Софья Абрамовна. Я — еврейка, хотя мой отец — крупный в стране флeболог, в прошлом крестился. Но это не спасает от погромов.

— Помилуйте, — рассмеялся Феликс. — За годы Советской власти не было ни одного погрома.

— Но евреи всегда ждут погрома. Это их планда. У вас тоже есть что-то еврейское, а?

— Я чувствую, что вам было бы приятней, если бы я оказался евреем?

— Нет, просто мне показалось, что вы добрый. Знаете, вы действуете на меня успокаивающе.

Мои предки были дворяне. А дед в Петербурге держал пятнадцатый дом. Свой выезд.

— Шутки?

Вдруг Феликс обнаружил, что нету пса. В два голоса орала она на всю улицу, потом кинулись в разные стороны, а пес преспокойненько следовал за задней хозяйна.

— А вот и мой дом, — сказала Софья Абрамовна. — У меня протерта клюква. Зайдем?

Они сидели в большой комнате приземистого подмосковного домика, одна стена была сплошь завешана картинами неизвестного художника. Картины были слишком авангардистскими.

— Это, — объясняла хозяйка, — женщина на яйце. Видите? Вот женщина, а вот яйцо. Рядом картина «Дон Кихот и Дульсинея».

Раевский всматривался, но ни Дон Кихота, ни Дульсинею обнаружил, гь не мог.

— Но это так хорошо видно. Смотрите, — она водила указкой по картине. — А рядом Дульсинея.

— Ага, ага...

— Дульсинея полуобнаженная. Видите? Грудь...

— Ага, ага...

— А внизу собачка. — Софочка рассмеялась. — У меня тоже есть собака.

Собачка больше походила на ослика.

Потом они играли в подкидного, пили чай с протертой клюквой.

— Вы знаете, — говорила она, заглядывая в карты, — такая несправедливость. Ну, что годы, что?! А душа ведь молодая. Как у девочки, ей бог! Всего хочется, а мужички... — Она тяжело вздохнула. — Я вообще выбобина, могу, например, влюбиться в артиста на экране. Не поверите, потом страдаю, ночами не сплю. А могу я в мясника, если это мой тип. Дело, конечно, не в мясе.

— Само собой разумеется, — сказал Раевский.

— Я люблю любовь! — патетически воскликнула Софочка. — Вот вы — мой тип мужички! — Она пристально смотрела Раевскому в глаза, надеясь, что и он сейчас скажет: «и вы мой тип женщины».

Но Феликс бросил на стол свои карты и сказал: — У меня остались одни козырные.

Потом Феликс показал ей фокус. Он так сложил руки, что когда их разнял, одного пальца не хватало.

— Скажите, вы когда-нибудь любили? По-настоящему?

— Еще в школе.

— А свою жену?

— Я обманул вас. Наговорил. Я — одинокий, бедный студент. Меня женщины бросают.

— Такого мужичку?! — перебила она его. У Софочки загорелись глаза. — Сейчас, Феликс, я покажу вам более интересный фокус, чем ваш.

Она прошла в ванную, прикрыла дверь и крикнула оттуда:

— Разверните кресло так, чтобы вы видели дверь ванной. И закройте глаза.

Раевский выполнил ее просьбу.

— Готовы?

— Да.

Потом наступила продолжительная пауза. Наконец из ванной послышалась музыка, дверь приоткрылась, и на пороге появилась Софочка в чем мать родила. Она стояла с закрытыми глазами, приняв позу манекенщицы: рука уперлась в кругое бедро, одна нога чуть согнута в коленке. У нее были огромные свисающие груди, короткая шея и толстый зад.

В уголках ее рта играла таинственная улыбка. Софочка плавно подняла ресницы.

В комнате не было никого.